

АКАДЕМИЯ ВЕДЬМОВСКИХ ПРОКЛЯТИЙ

1 КУРС

ВЛАДИМИР ДАВЫДОВ

ГРИМУАР

200 ПРОКЛЯТИЙ
ДЛЯ НАЧИНАЮЩЕЙ ВЕДЬМЫ

Manquari
Spinam
squnfiae
asd en-
tamim
toric;

Cole finr-
in pinne
yedemri
fnir aut
iquillor
Eepiti
stroug
vaint
un
zu
qt

ЛЮДИ ХОТЯТ ПРОКЛИНАТЬ,
А НЕ СНИМАТЬ ПРОКЛЯТИЯ

Владимир Давыдов

Академия Ведьмовских проклятий Первый курс Гримуар: 200 проклятий для начинающей ведьмы

<https://litres.ru/74302974>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Академия ведьмовских проклятий. Гримуар: 200 проклятий для начинающей ведьмы». Книга первая цикла «Академия ведьмовских проклятий». Адалия — ведьма-аристократка с даром, который должен был проснуться ещё до поступления в Академию, но молчит уже семнадцать лет. Ренита — её компаньонка без капли магии, поехавшая за подругой просто потому, что не смогла остаться дома. Никто из них не знает: дар Ады заблокирован не случайно — а тёмная сила Рен скрыта той же рукой, что когда-то возглавляла Совет Верховных ведьм. Весь год девушки изучают устные проклятия по фамильному гримуару — двести формул, от бытовой мести до высших судебных кодов. А силы, вытеснившие бабушку Ады из власти двенадцать лет назад, готовятся вернуть своё — на турнире между Академиями, на глазах у обеих. Практическое пособие по

устным проклятиям — внутри истории о дружбе, тайне и цене силы, доставшейся по крови. Бонус: 100-страничный «Гримуар Марвенны»: указатель проклятий, формул, анатомические схемы, алхимические рецепты.

Содержание

Вступление. Слово Гримуара	6
Концепция и формат	10
Персонажи	11
Адалия Рэйвенвуд («Ада»)	11
Ренита Фэрроу («Рен»)	12
Марвенна Рэйвенвуд	13
Организации мира книги	14
Совет Верховных ведьм	14
Конклав Отлучённых	15
Попечительский совет Академии	16
Сюжетная арка тайны бабушки — пять волн раскрытия	17
Календарь учебного года (20 уроков)	18
Общий алгоритм освоения и применения формулы	20
Пример разворота: Тёмный свиток I, Формула №2 «Гнилое эхо»	21
Статистика применения	21
Кейс применения (развёрнутая версия)	22
Ритуал перед применением	23
Текст формулы	24
Глава 1. Заселение	25
Глава 2. Урок первый	31

Глава 3. Урок третий	35
Домашнее задание к следующему уроку	39
Задание тебе, читатель	40
Глава 4. Октябрь. Уроки четвёртый и пятый	41
Домашнее задание к следующему уроку	46
Задание тебе, читатель	47
Глава 5. Ноябрь. Урок шестой. Свиток первый	48
Домашнее задание к следующему уроку	53
Задание тебе, читатель	54
Глава 6. Декабрь. Урок седьмой. Свиток второй	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Владимир Давыдов
Академия Ведьмовских
проклятий Первый курс
Гримуар: 200 проклятий
для начинающей ведьмы

Вступление. Слово Гримуара

Страница Гримуара Марвенны: Формула №200 (интерактивный скетч)

Прежде чем ты перевернёшь эту страницу, я должен предупредить тебя честно: я не сказка.

Я — гримуар. Меня держали в руках женщины моего рода двести двенадцать лет, и каждая из них клялась мне прежде, чем я открывал ей первый свод. Ты не давала мне клятвы. Но раз уж эта книга оказалась в твоих руках — значит, ты уже сделала первый шаг ко мне, а я редко ошибаюсь в тех, кто до меня добирается.

Формулы, которые ты найдёшь на этих страницах, — не мифические заклинания из детских сказок про чёрных котов и полнолуние. Их сила — в том, что прекрасно понимает и мир без магии: частота звука, ритм дыхания, точка фиксации взгляда, вес уверенности в голосе. Когда ты слышишь, как кто-то говорит с тобой властно и веско, не повышая тона, — это работает тот же принцип, которому я учу здесь. Разница лишь в том, что я называю вещи своими именами и довожу технику до предела.

Я не прошу тебя верить в проклятия. Я прошу тебя один раз — только один — попробовать вслух формулу из первого свода, глядя в зеркало, с той интонацией, которая описана в тексте. Ты удивишься, что почувствуешь.

В конце каждого урока Ады и Рен ты найдёшь не только их домашнее задание. Ты найдёшь и своё собственное — короткое, простое, применимое к твоей собственной жизни уже

сегодня. Я не требую от тебя становиться ведьмой. Я прошу тебя стать чуть точнее в словах, которые ты и так произносишь каждый день.

Ада и Рен не знали в начале года, что их ждёт. Ты — знаешь чуть больше, чем знали они, потому что читаешь их историю целиком, а не по одному уроку в неделю. Используй это преимущество. Учись быстрее, чем они.

Переворачивай страницу. Я жду тебя ровно двести уроков.

— Гримуар Академии ведьмовских проклятий, свод первый, страница первая.

Концепция и формат

Формат — «гибрид»: весь наработанный гримуар («Гримуар из 200 словесных форм проклятий») сохраняется практически как есть и оборачивается в фэнтези-историю о двух подругах, реально проходящих курс I курса факультета Проклятий Академии Ведьмовских Проклятий.

Фокус — устные (вербальные) проклятия. Акцент книги — на проклинании, а не на снятии проклятий («людям нравится проклинать»).

Гримуаром может обучаться не только ведьма, но и обычный человек — в том числе читатель книги, — если во время изучения формулы поставить по стакану горячей воды с 3 листочками мяты по обе стороны от себя. Этот ритуал встроен как обязательный подготовительный шаг в общий алгоритм освоения формул (см. раздел 5).

Гримуар разделён на Белые своды (контур Высших сил / божественное правосудие — доступны Аде) и Тёмные своды (личный тёмный контур — доступны Рен).

Цель — сделать учебник образцом жанра: пошаговая педагогика (домашние задания, чек-листы, алгоритм освоения формулы), а не просто список заклинаний.

Персонажи

Адалия Рэйвенвуд («Ада»)

Ведьма-аристократка, белый (божественный) дар. Дар передаётся через поколение (у матери его нет), должен раскрыться во время учёбы в Академии. Поступает без экзаменов «по благу» — на деле по решению бабушки. Носит с собой родовой гримуар в пространственном мешке.

Ренита Фэрроу («Рен»)

Формально — компаньонка/сопровождающая Ады из простой семьи, без дара. Подруги детства. В середине/конце книги выясняется, что она — двоюродная сестра Ады с тёмным (личным) даром, скрытым бабушкой.

Марвенна Рэйвенвуд

Бабушка Ады, экс-председатель Совета Верховных ведьм и попечительского совета Академии. Была вынуждена покинуть оба поста. Наложила двойной блок — на дар обеих внучек и на гримуар одновременно, защищая их и окружающих от неконтролируемой силы.

Организации мира книги

Совет Верховных ведьм

Высший законодательный и судебный орган магического мира — коллегия наиболее могущественных и уважаемых ведьм, определяющая правила применения проклятий, разбирающая споры между родами и утверждающая уставы всех Академий. Марвенна Рэйвенвуд была его председателем до вынужденной отставки двенадцать лет назад.

Конклав Отлучённых

Фракция ведьм, некогда изгнанных из Совета Верховных ведьм за запрещённые практики и злоупотребление вертикальными (родовыми) проклятиями. После отставки Марвенны Конклав постепенно вернул себе влияние и теперь стремится взять реванш — не столько над самой Марвенной, сколько над её наследием и семьёй.

Попечительский совет Академии

Орган, отдельный от Совета Верховных ведьм, — состоит из влиятельных родителей и выпускников, которые курируют хозяйственные и репутационные вопросы Академии (финансирование, приём студенток, дисциплинарные споры). Формально не имеет отношения к магическому законотворчеству, но именно через Попечительский совет Конклав пытается получить доступ к делам Академии изнутри.

Сюжетная арка тайны бабушки — пять волн раскрытия

Раздел I (осень) — только атмосфера: завешенный портрет, недомолвки преподавателей.

Раздел II (поздняя осень — начало зимы) — первая документальная зацепка в архиве: заметка об отставке Марвенны, дата совпадает с годом рождения Ады.

Раздел III (зима) — Гримуар начинает реагировать на Рен; обе замечают странности.

Раздел IV (ранняя весна) — магистр, лично знавшая Марвенну, намекает на правду: отставка была вынужденной, «инцидент» касался не одной, а двух внучек.

Финал (турнир) — полная правда синхронно с пробуждением дара: родство сестёр, природа тёмного дара, роль Конклава Отлучённых.

Календарь учебного года (20 уроков)

Сентябрь — Раздел I, уроки 1–3: заселение, распределение, первые занятия.

Октябрь — Раздел I, уроки 4–5: темпоральные замки, маркеры фиксации; завязка конфликта с Корделией.

Ноябрь — Раздел II, уроки 6–7: свитки I–II; первое приращение силы Адой (кейс формулы №2).

Декабрь — Раздел II, уроки 8–9: свитки III–IV; архивная зацепка про отставку Марвенны.

Январь (зимние каникулы) — Раздел II, урок 10: свиток V (родовые проклятия); Рен видит семейный портрет.

Февраль — Раздел III, уроки 11–12: свитки VI–VII; Гримуар реагирует на Рен.

Март — Раздел III, уроки 13–14: свитки VIII–IX; Рен впервые произносит формулу мысленно.

Апрель — Раздел III, урок 15: свиток X; намёк магистра на правду об отставке.

Апрель (вторая половина) — Раздел IV, уроки 16–17: щиты-зеркала, деконструкция; объявление Турнира.

Май — Раздел IV, уроки 18–19: диагностика отката, адаптация для «неискровых»; вылазки агентов Конклава.

Июнь — урок 20 + Турнир (кульминация): попытка захва-

та Ады, спасение Рен, пробуждение дара, полное раскрытие тайны.

Общий алгоритм освоения и применения формулы

0. Подготовка окружения (для читателей без дара): по обе стороны от себя — стакан горячей воды с 3 листочками мяты.

1. Разбор — прочитать формулу вслух медленно, разбить на такты дыхания.

2. Визуализация — представить образ из формулы предельно конкретно.

3. Фонетическая отработка — довести произношение шипящих/взрывных до автоматизма.

4. Ритуальная поза/фиксация — взгляд, дыхание, момент произнесения.

5. Контрольная проверка — признаки того, что формула легла на цель.

К каждой формуле также прилагается статистика применения (популярность у адептов, скорость эффекта, сложность освоения, контур) и краткий сюжетный кейс применения — иллюстрация внутри истории Академии, а не инструкция для реального применения к конкретным людям.

Пример разворота: Тёмный свиток I, Формула №2 «Гнилое эхо»

Статистика применения

Популярность у адептов I курса: №3 в топ-10 самых заучиваемых формул

Скорость эффекта: мгновенно при первой же лжи после произнесения

Сложность освоения: средняя (удержание шипящего звука не менее 1,5 секунды)

Контур: личный тёмный — доступен даже без дара, при соблюдении ритуала подготовки

Кейс применения (развёрнутая версия)

На втором месяце учёбы, поздним вечером в общей гостиной факультета Проклятий, Корделия Торн в очередной раз распускала слухи о происхождении Ады — мол, «принята по благу, дара и в помине нет, только видимость». Рен сидела рядом с гримуаром на коленях и молча наблюдала, как у подруги побелели костяшки пальцев.

Ада отвернулась, но не удержалась и прошептала формулу — тихо, почти не разжимая губ, глядя точно на губы Корделии через комнату. Рен первой заметила: гримуар в её руках вздрогнул, страница со свитком «Гнилое эхо» на мгновение потемнела по краям, будто подпалённая — а на следующее утро Корделия на зачёте по травоведению не смогла произнести ни одной связной фразы, срываясь на хриплый скрежет.

«Ты правда это сделала», — сказала Рен не как вопрос, а как открытие. Именно в этот момент она впервые почувствовала лёгкое, необъяснимое покалывание в собственных пальцах, лежащих на обложке гримуара, — и не поняла, что это было её собственное, ещё спящее эхо.

Ритуал перед применением

0. Подготовка окружения: по обе стороны от себя — стакан горячей воды с тремя листочками мяты.
1. Разбор: «Шел шепот по гнилым углам | липла ложь к твоим губам...»
2. Визуализация: конкретный образ — гнилой угол дома, где скапливается сырость.
3. Фонетическая отработка: звук [ш] в первой строке — не меньше 1,5 секунды, без потери громкости.
4. Фиксация: взгляд на губы адресата в момент финальной фразы; рубленый ритм, обрыв дыхания на «Речь — пеплом!»
5. Контрольные признаки: осип голос собеседника при следующей же попытке соврать; невольное покашливание перед любой фразой.

Текст формулы

«Шел шепот по гнилым углам, липла ложь к твоим губам. Отныне слову твоему — веры не быть, правде твоей — ядом исходить. Всякий раз, как соврёшь — сам себя заживо сгноёшь. Язык — колом, речь — пеплом!»

Глава 1. Заселение

Академия Ведьмовских Проклятий встречала первокурсниц запахом воска, пыли веков и чего-то ещё — терпкого, металлического, похожего на застывшую грозу. Башня факультета Проклятий возвышалась над остальными корпусами тёмным клином, будто нарочно повёрнутая спиной к солнцу.

— Скажи, что мне это не мерещится, — прошептала Ренита, задирая голову. — Тут даже голуби не садятся.

— Голуби не дуры, — отозвалась Адалия, ведя подругу мимо кованых ворот с гербом Академии. — Идём, нас ждёт наша комната в общежитии.

Их пропустили без единого вопроса. Ни экзаменационных списков, ни проверки родословной — только короткий кивок привратника, скользнувший взглядом по фамильному кольцу Ады, и лёгкий, почти незаметный прищур в сторону Рен, которую записали в книгу прибытия просто как «сопровождающую особу».

Комната на третьем этаже Западной башни оказалась больше, чем обе ожидали: два узких окна, два стола, два сундука, две узкие кровати, один огромный шкаф — и ни намёка на то, что одна из живущих здесь официально числится прислугой. Рен опустила сумку на пол и медленно опустилась на кровать, будто боялась, что матрас окажется мира-

жом.

— Не могу поверить, что мы правда здесь, — сказала она. — Ещё в июне мы сидели на твоей крыше и просто болтали про Академию как про сказку.

— А теперь сказка сама тебя поселила на отдельной кровати, — усмехнулась Ада, но усмешка вышла короче, чем обычно.

Она подошла к своему сундуку, откинула крышку — и вытащила не платье, не учебники, а плотный свёрток тёмной кожи, перевязанный шнуром цвета запёкшейся крови. Рен невольно подалась вперёд.

— Это то, о чём я думаю?

— Бабушкин, — тихо сказала Ада. — Она сказала маме, что без него мне тут делать нечего. Мама не спорила. Мама вообще никогда не спорит, когда речь о бабушке.

Она развязала шнур, и кожаный переплёт раскрылся сам — без усилия, будто ждал именно этого момента. Рен ахнула: страницы внутри не были неподвижны. Чернила на них шевелились, перестраивались, будто книга ещё продолжала себя дописывать.

— Добрый вечер, — произнёс голос. Не громкий, не потусторонний — почти домашний, с лёгкой хрипотцой, как у человека, который долго молчал и наконец получил повод заговорить. — Признаться, я ждал вас дольше, чем рассчитывал.

Рен отшатнулась так резко, что чуть не упала с кровати.

— Оно... разговаривает?

— Я предпочитаю «он», если вам не сложно, — самодовольно поправил Гримуар. — Хотя за двести с лишним лет меня называли и «оно», и «проклятая тварь», и один раз — «сушёная селёдка», но об этом эпизоде я предпочитаю не вспоминать.

Ада фыркнула — было видно, что для неё это не в новинку.

— Расскажи ей, — сказала она. — Всё равно эту зиму нам обеим сидеть с тобой над одними и теми же уроками.

— Извольте, — Гримуар слегка качнулся, будто прочищая горло из переплёта. — Меня начали писать двести двенадцать лет назад, по приказу тогдашнего Совета Верховных ведьм, когда стало ясно, что устные проклятия множатся стихийно, бесконтрольно и большей частью безграмотно. Меня задумывали не как оружие, а как систему — способ навести порядок в хаосе, в котором каждая бабка на рынке считала себя вправе портить соседке молоко неправильно построенной фразой.

— И как вы это систематизировали? — спросила Рен, придвигаясь ближе, несмотря на страх.

— Через источник силы, — ответил Гримуар. — Всякое устное проклятие питается одним из трёх контуров: личной волей произносящей, апелляцией к Высшим силам — или чистой случайностью аффекта, взрыва эмоции без всякого умысла. Я разделён на своды соответственно тому, какой

контур требуется для каждой формулы. Меня, если угодно, разложили не по темам, а по источнику питания — как распределительный щит.

— А почему тебя называют «из двухсот форм»? — уточнила Ада, садясь рядом с Рен на кровать, как будто заранее знала, что подруге понадобится плечо поддержки.

— Потому что двести — это ровно то число формул, которое Совет счёл достаточным, чтобы покрыть все жизненные ситуации, в которых слово способно карать, — сказал Гримуар без ложной скромности. — От бытовой обиды до родового проклятия на семь колен. Меньше — и остаются лазейки для беззакония. Больше — и формулы начинают дублировать друг друга, теряя силу от повторения.

Он помолчал — так, будто собирался с духом.

— Однако я должен вам сообщить нечто важное, юная госпожа, — обратился он к Рен, и голос его впервые стал серьёзным. — Я не просто разделён на своды по источнику силы. Я разделён на Белые и Тёмные свитки — по тому, чья рука способна их читать.

— Белые — это которые от Высших сил, — быстро сообщила Ада. — А Тёмные?..

— Тёмные читаются рукой, в которой живёт личная, необращённая к богам сила, — сказал Гримуар. — До сегодняшнего вечера в этой комнате я мог показать Тёмные своды лишь одной из вас. Теперь, кажется, я ошибался.

Он раскрылся шире, и на середине страницы, там, где чер-

нила минуту назад были пусты, начали медленно проступать строки — будто невидимые прежде, они наконец решили, что настало время быть увиденными.

Рен посмотрела на собственные пальцы, лежащие на раскрытой странице, и не смогла унять внезапную, необъяснимую дрожь.

— Он что... открывается мне? — прошептала она.

Ада не ответила. Она смотрела не на страницу, а на подругу — с тем выражением, с каким смотрят на что-то знакомое, увиденное впервые под правильным углом.

— Изучение каждой формулы, — невозмутимо продолжил Гримуар, будто не заметив повисшей в комнате тишины, — идёт в пять шагов: разбор текста по тактам дыхания, точная визуализация образа, отработка фонетики до автоматизма, ритуальная фиксация в момент произнесения и, наконец, проверка по признакам того, что формула легла на цель. Тем же, кто рождён без искры магического дара, — он сделал крошечную паузу, явно адресуя это Рен, — потребуется дополнительная подготовка окружения перед каждым уроком. Но об этом — уже на первом занятии.

За окном пробили колокола западной башни — семь ударов, отмечающих конец дня заселения. Ада наконец нашла в себе силы улыбнуться.

— Ну что, — сказала она, закрывая Гримуар осторожно, будто боясь разбудить в нём что-то ещё. — Похоже, распаковывать вещи будем уже завтра.

Рен так и не убрала руку со тёмной кожи переплёта.

— Похоже, — сказала она, — я привезла с собой куда больше, чем думала.

Глава 2. Урок первый

Аудитория Кафедры Вербальной Деструкции и Речевого Контроля располагалась в подземном ярусе башни — без окон, зато с акустикой, от которой даже шёпот разлетался по каменным сводам, будто произнесённый в полный голос.

Ада и Рен заняли места в третьем ряду, между девушкой с почти белыми, коротко стриженными волосами, которая демонстративно их не замечала, и полноватым пареньком, беспрестанно грызущим кончик пера.

— Это Корделия Торн, — тихо шепнула Ада, кивнув на белобрысую соседку. — Её мать заседает в попечительском совете. Так что она про всех знает больше, чем положено.

— И про нас уже знает? — так же тихо спросила Рен.

— Про нас знает весь курс. Просто не всем хватает наглости спрашивать в лицо.

Дверь аудитории распахнулась без стука. Вошедшая женщина — высокая, в мантии цвета застывшей золы — не потрудилась представиться. Она просто встала за кафедрой и обвела взглядом ряды, будто пересчитывая не студентов, а потенциальных нарушительниц дисциплины.

— Профессор Кассандра Вейл, — произнесла она наконец. — Заведующая кафедрой. Тем, кто рассчитывал провести этот час, представляя себя великими ведьмами прошлого, советую пересмотреть ожидания. Здесь мы изучаем не

легенды. Мы изучаем механику.

Она взмахнула рукой — и на грифельной доске за её спиной сама собой проступила надпись: Три контура силы.

— Всякое устное проклятие, — продолжила профессор, — питается одним из трёх источников. Личным — то есть волей самой ведьмы. Апелляцией к Высшим силам — когда вы призываете нечто большее, чем себя, в судьи. Или бытовым аффектом — спонтанным выбросом энергии в момент, когда вы меньше всего этого хотите. Кто-нибудь уже слышал эту классификацию?

Несколько рук поднялись. Рука Ады — нет; она покосилась на Рен и едва заметно улыбнулась, вспоминая вчерашний разговор с гримуаром.

— Хорошо, — сказала профессор Вейл, не дожидаясь ответов. — Тогда вам будет проще понять следующее: большинство из вас всю жизнь путали второй контур с первым. Вы просили Высшие силы там, где на самом деле кричала ваша собственная обида. Это первая ошибка, которую мы будем отучать вас совершать весь этот год.

Она прошла вдоль первого ряда, и взгляд её на мгновение задержался на Рен — на долю секунды дольше, чем на остальных.

— У нас в этом году необычный набор, — заметила профессор вслух, не поясняя, что имеет в виду. — Некоторые из вас принесли с собой куда больше, чем полагается вчерашним абитуриенткам.

Корделия чуть подалась вперёд, будто эта фраза была адресована лично ей — и лично для того, чтобы она это заметила.

— Мисс Адалия, — произнесла профессор Вейл, не поворачивая головы. — Полагаю, фамильный экземпляр уже представился вам вчера вечером?

По аудитории пробежал шелест — кто-то завистливо, кто-то настороженно переглянулся.

— Да, профессор, — тихо ответила Ада.

— Тогда вы избавлены от необходимости заучивать классификацию контуров проклятий по учебнику Кафедры. Ваш экземпляр, полагаю, справился с этим не хуже меня. — В голосе профессора не было ни тени зависти или раздражения — только сухая констатация факта. — Однако для остальных: домашнее задание на эту неделю — прослушать три бытовых проклятия и классифицировать их по контурам. Форма сдачи — письменная, на пергаменте, без сокращений.

Она обвела аудиторию последним взглядом.

— И ещё одно, для тех, кто уже предвкушает эффектные проклятия из старших свитков: вы получите к ним доступ ровно тогда, когда покажете, что способны не разнести весь факультет случайной ошибкой синтаксиса. Не раньше.

Раздался звонок — глухой, низкий, будто исходил не из механизма, а из-под каменного пола. Профессор Вейл коротко кивнула и вышла так же резко, как появилась.

Корделия обернулась к Аде с тонкой, отрепетированной

улыбкой.

— Значит, тебе даже учить ничего не надо, — сказала она. — Повезло. Некоторым здесь приходится действительно работать.

— Повезло, — согласилась Ада, не отводя взгляда. — Только вот работать всё равно придётся всем — просто не всем достанется учитель, который умеет ждать.

Рен под партой едва заметно сжала руку подруги — то ли предупреждая, то ли одобряя. Корделия хмыкнула и отвернулась первой.

— Она нас запомнит, — тихо сказала Рен, когда они выходили из аудитории.

— Она уже запомнила, — ответила Ада. — Вопрос только в том, что она будет с этим делать.

Глава 3. Урок третий

К третьему занятию подземная аудитория перестала пугать Рен пустотой — теперь она замечала детали: трещину в своде в форме полумесяца, ряд латунных площадок с песком вдоль стен, которые, кажется, ловили излишки произнесённой силы, если формула срывалась.

— Сегодня, — начала профессор Вейл, не тратя времени на приветствия, — вы наконец узнаете, почему большинство бытовых проклятий, произнесённых в порыве эмоции, не работают вовсе, а работающие быют не туда, куда метили.

Она провела рукой над кафедрой, и в воздухе возникла светящаяся схема — три пересекающихся круга.

— Тарифная сетка, — произнесла Вейл. — Всякое проклятие изымает ресурс из одного из трёх секторов жертвы. Соматика — тело. Ментал — разум. Блокировка дорог — удача, возможности, деньги. Проклясть «вообще», не выбрав сектор, — это как выстрелить с завязанными глазами в комнате, где стоите только вы сами.

Кто-то на задних рядах хихикнул. Профессор не повернула головы, но хихиканье немедленно стихло.

— Мисс Корделия, — сказала она, — приведите пример бытового проклятия и определите его сектор.

Корделия расправила плечи, явно готовая блеснуть.

— «Чтоб у тебя руки отсохли», — произнесла она с на-

жимом. — Соматика.

— Верно по сектору, — кивнула Вейл, — но формула безнадёжно устарела и произносится обычно без единой капли настоящего намерения. Годится для учебника, не для жизни. Кто-нибудь может привести пример посвежее?

Повисла тишина. Рен вдруг поймала себя на том, что чувствует лёгкое тепло в кончиках пальцев — то же самое, что накануне вечером, когда гримуар раскрывался перед ней впервые. Она не подняла руку. Подняла Ада.

— Формула на блокировку дорог, — сказала Ада ровным голосом, будто давно всё для себя решила. — «Твоему торгу — прах, твоему кошельку — крах». Сектор — удача, финансовые возможности.

Профессор Вейл смотрела на неё чуть дольше, чем требовалось для простой похвалы.

— Ваш семейный экземпляр щедр на примеры, — заметила она сухо. — Хотя удивительно слышать формулу пятого свитка от первокурсницы в первую неделю.

— Я только прочитала оглавление, профессор, — быстро сказала Ада. — Не применяла.

— Разумеется, — ответила профессор Вейл тоном, из которого нельзя было понять, поверила она или нет.

Далее профессор перешла к радиусу поражения — точечному, горизонтальному и вертикальному, — и, дойдя до последнего, слегка понизила голос:

— Вертикальный вектор, родовой, мы разберём отдельно,

ближе к зиме, и не раньше, чем каждая из вас сдаст зачёт по технике безопасности при работе с проклятиями. Ошибка в этом секторе не прощает второй попытки — ни вам, ни вашим будущим детям.

Слово «детям» повисло в комнате чуть дольше положенного. Рен покосилась на Аду и заметила, как та едва заметно сжала кулак под партой.

После звонка, пока остальные расходились, Ада задержалась у кафедры.

— Профессор, можно вопрос?

Профессор Вейл подняла бровь, но кивнула.

— Вы сказали, что вертикальный вектор ошибок не прощает. А если... — Ада понизила голос до почти беззвучного шёпота, — если этот вектор уже был использован. Раньше. В семье.

Что-то в лице профессора Вейл дрогнуло — едва заметно, на долю секунды, но Рен, стоявшая чуть поодаль, это заметила.

— Об этом, мисс Адалия, — произнесла профессор наконец, — мы поговорим, когда вы будете готовы услышать ответ. Не раньше.

Она забрала со стола свои записи и вышла, оставив в воздухе лёгкий запах палёного пергамента — как будто светящаяся схема на кафедре, погаснув, выжгла что-то незримое.

— Она знает, — тихо сказала Рен, когда они остались одни. — Про бабушку. Про всё.

— Знает, — согласилась Ада. — Вопрос только в том, сколько ей позволено сказать.

Домашнее задание к следующему уроку

Составьте схему-матрицу: для каждого из трёх секторов изъятия (соматика, ментал, блокировка дорог к успеху или удаче) подберите по три бытовых выражения из повседневной речи и определите, к какому сектору и радиусу поражения они относятся. Подсказка Кафедры: чем банальнее фраза, тем чаще она годами бьёт не в тот сектор, для которого была задумана.

Задание тебе, читатель

Прислушайся к себе неделю: замечай, к какому сектору — телу, разуму или удаче — метят фразы, которые ты слышишь или произносишь в раздражении. Не нужно ничего менять — просто научись их различать.

Внимание: упражнение развивает исключительно наблюдательность за собственной речью. На коллег и родню в чате действие не распространяется — как бы ни хотелось.

Глава 4. Октябрь. Уроки четвёртый и пятый

К октябрю подземная аудитория Кафедры стала выглядеть иначе — не потому, что изменились стены, а потому, что Рен наконец перестала считать шаги от двери до третьего ряда и начала слушать саму профессора Вейл, не отвлекаясь на страх ошибиться местом.

— Формула без времени, — начала профессор Вейл, взмахом руки разворачивая на доске очередную светящуюся схему, — это не проклятие. Это красивая фраза, которая рассеется быстрее, чем вы успеете порадоваться эффекту. Сегодня — темпоральные замки. Встроенный таймер, определяющий, сколько циклов будет жить ваша формула.

Она принялась перечислять, отчеканивая каждое слово так, будто вбивала гвозди:

— Импульсный замок — срабатывает один раз, в момент триггера. Пример из учебника: «Как порог переступишь — так и споткнёшься». Циклический — активируется по астрономическим или биологическим часам. «Каждую полную луну уму твоему мешаться». И терминальный — держит программу до наступления конкретного, обычно маловероятного события. «Пока сухой дуб лист не пустит».

Корделия у окна демонстративно записывала, подчёрки-

вая каждое слово с такой силой, что перо дважды скрипнуло по пергаменту.

— Мисс Ренита, — вдруг произнесла профессор Вейл, не поднимая головы от доски.

Рен вздрогнула — впервые за месяц профессор обратилась к ней напрямую.

— Приведите пример терминального замка. Свой, не из учебника.

Аудитория примолкла. Корделия обернулась через плечо с почти неприкрытым злорадством — компаньонка без искры магического дара, отвечающая перед всем курсом, обещала стать отличным развлечением.

Рен помедлила, чувствуя, как в кончиках пальцев снова разгорается то самое тепло — теперь оно приходило чаще, особенно когда она злилась или боялась.

— «Пока не признаешь вслух то, что скрываешь», — сказала она тихо, но ровно.

В аудитории стало очень тихо. Профессор Вейл на мгновение застыла с поднятой рукой над доской — так, будто фраза попала не в учебное упражнение, а в какую-то её собственную, отдельную мишень.

— Неплохо, — произнесла она наконец, опуская руку. — Расплывчато, что делает замок практически нерасторжимым — жертва сама должна докопаться, что именно от неё скрывают. Опасная конструкция. Могущественная, но опасная.

Она задержала взгляд на Рен на секунду дольше обычного,

потом отвернулась к доске, как будто ничего не произошло.

После занятия Корделия догнала их у лестницы.

— Смотрите-ка, — протянула она, — прислуга заговорила стихами. Может, Академия скоро начнёт принимать по конкурсу сочинений, а не по крови?

— Может, начнёт принимать по результатам, — ответила Ада, вставая между подругой и Корделией. — А то результаты некоторых начинают заметно отставать от родословной.

Корделия побледнела на мгновение — верный знак, что стрела попала точно, — но тут же взяла себя в руки и рассмеялась, слишком громко для настоящего веселья.

— Посмотрим, кто будет смеяться на зачёте, — бросила она и ушла, чеканя шаг сильнее, чем требовалось.

Урок пятый, недель позже, начался без предисловий.

— Как понять, что формула сработала? — спросила профессор Вейл, обводя аудиторию взглядом. — Проклятие — это не удар кулаком, эффект не мгновенный. У вас есть первые семьдесят два часа, чтобы прочитывать признаки.

На доске появился список.

— Первичные маркеры фиксации проклятия: сбой мелкой моторики жертвы — дрожь в руках, роняет предметы. Резкое изменение цвета лица в момент удара — отлив крови. Сбитый ритм дыхания. Вторичные маркеры, средовые: порча личных вещей объекта — трескается зеркало, ломается замок в двери, экран телефона идёт трещинами. Внезапная агрессия животных в его сторону.

Профессор сделала паузу.

— Домашнее задание: составить протокол наблюдений, пять признаков успешной фиксации формулы «Блокировки дорог», минуя врождённую психологическую защиту цели. Форма — как у настоящей ведьмы, ведущей журнал наблюдений, а не как у студентки, переписывающей учебник.

Вечером, в комнате, Ада разложила на кровати чистый лист под протокол, а Рен стояла у окна, глядя на двор Академии, где Корделия — одна, без свиты подруг — яростно вышагивала кругами возле фонтана, время от времени останавливаясь и странно трясая правой рукой, будто та онемела.

— Смотри, — сказала Рен тихо.

Ада подошла и встала рядом.

— Тремор, — произнесла она медленно, вспоминая только что услышанное на уроке. — Сбой мелкой моторики.

— Мы же ничего на неё не... — начала Рен и осеклась.

Обе посмотрели друг на друга — и одновременно вспомнили фразу, брошенную Адой на лестнице неделю назад: результаты некоторых начинают заметно отставать от родословной. Сказанные вслух, с явным намерением задеть.

— Это не считается формулой, — быстро сказала Ада, будто убеждая саму себя. — Это была просто фраза. Обычная колкость.

Гримуар за пазухой пространственного мешка едва слышно скрипнул кожаным переплётом — так, как скрипел всегда, когда рядом происходило что-то, заслуживающее его

внимания.

— Обычные фразы, — тихо сказала Рен, — не заставляют гримуар шевелиться.

Домашнее задание к следующему уроку

Составьте протокол наблюдений ведьмы: пять признаков того, что проклятие «Блокировки дорог» успешно зафиксировалось на объекте, минуя его врождённую психологическую защиту. Форма — журнал наблюдений, а не пересказ учебника.

Задание тебе, читатель

В следующий раз, когда почувствуешь чужую агрессию — свою или чужую эмоцию, направленную на тебя: тревогу, гнев, обиду — запиши, где в твоём теле это отозвалось первым: в руках, в дыхании, в голосе. Это твой первый шаг к тому, чтобы замечать формулу раньше, чем она сработает.

Дисклеймер: техника развивает исключительно вашу телесную осознанность. Диагностировать соседа по переписке всё же не наука, а паранойя.

Глава 5. Ноябрь. Урок шестой. Свиток первый

Ноябрь пришёл в Академию не листопадом, а сыростью — той, что просачивается сквозь каменные стены и заставляет факелы гореть чуть тусклее обычного. С этого месяца начинался Раздел II — «Практический Гримуар: Свитки и Формулы». Раздел, ради которого, как призналась себе Рен, они с Адой на самом деле сюда приехали.

— Формулы первого свитка, — объявила профессор Вейл, когда все расселись, — заучиваются наизусть до полного автоматизма. На зачёте недопустимо подглядывать. Свиток называется «Клятвопреступники, лжецы и предатели» — потому что именно с них начинается любой курс проклятий: с наказания за нарушенное слово.

Она продиктовала первую формулу, останавливаясь после каждой строки, чтобы аудитория успевала записывать фонетический рисунок — где твёрже атаковать согласные, где выдержать паузу перед последним словом.

— Тариф Формулы номер один, — произнесла профессор Вейл, — спазм лёгких при каждой попытке объекта заключить новую сделку или соврать. Обратите внимание: не боль, не проклятие «в лоб» — а точная, узкая функция, встроенная в саму механику лжи. Хорошая формула бьёт не по че-

ловеку вообще, а по конкретному пороку.

Ада конспектировала быстро, аккуратным убористым почерком, — но краем глаза она уже отметила, что Рен, вместо того чтобы записывать, слушает с прикрытыми глазами, будто пробуя слова на вкус.

После занятия, вместо того чтобы вернуться в свою комнату в общежитии, подруги отправились в архив Академии — предлог был безупречным: домашнее задание требовало найти пример реального судебного разбирательства по нарушенной клятве, чтобы подкрепить теорию практикой.

Архивариус, сухонький старик с вечно прищуренным левым глазом, выдал им нужную папку без особого интереса — ровно до того момента, как Ада, просматривая соседний стеллаж в поисках дополнительных материалов, случайно вытянула не ту тетрадь.

За соседним столом, почти скрытый стопками пожелтевших фолиантов, сидел молодой хранитель редких рукописей — магистр Оливер Локвуд, тихий, слегка рассеянный мужчина с чернильными пятнами на манжетах и неизменной фаянсовой кружкой, от которой поднимался сизый пар с резким, терпким запахом сушёного чабреца. Он преподавал историографию проклятий на старших курсах и в архиве бывал едва ли не чаще самого архивариуса — по слухам, из чистой любви к бумажной пыли.

— Ищете что-то конкретное, адептки? — мягко спросил он, не поднимая глаз от своей рукописи. — Я неплохо знаю

эти стеллажи. Обращайтесь, если понадобится помощь — здесь легко заблудиться даже старшекурснице.

— Спасибо, профессор, — вежливо, но сдержанно ответила Ада, не отрываясь от найденной тетради. Что-то в его чрезмерной готовности помочь показалось ей смутно неуместным — но день был длинным, а находка слишком важной, чтобы отвлекаться на пустяки.

Это был протокол заседания попечительского совета Академии, датированный двенадцатью годами ранее.

Большая часть страниц была на месте. Не хватало одной — вырванной у самого корешка, настолько аккуратно, что след было почти невозможно заметить, если не знать, куда смотреть.

— Двенадцать лет, — тихо сказала Рен, заглядывая через плечо. — Это ведь примерно...

— Примерно тогда, — так же тихо закончила Ада.

Она пролистала оставшиеся страницы в поисках хоть какого-то упоминания причины. На полях, мелким убористым почерком, кто-то — явно не архивариус — оставил единственную пометку карандашом, полустёртую временем: «вопрос о смещении Верховной иницирован после инцидента с испытанием крови».

— Инцидент с испытанием крови, — повторила Ада одними губами.

Ни имени. Ни подробностей. Только сухая канцелярская формулировка, за которой явно скрывалось нечто, что кто-

то очень хотел стереть из истории Академии. От самой страницы, помимо старой бумажной пыли, едва уловимо тянуло тем же терпким травяным ароматом, что и от кружки магистра Локвуда за соседним столом — впрочем, в архиве, где он проводил дни напролёт, в этом не было ничего удивительного.

— Может, спросим архивариуса? — предложила Рен. Ада покачала головой.

— Если страницу вырвали настолько аккуратно, значит, кто-то предпочёл бы, чтобы никто не спрашивал. — Она аккуратно закрыла тетрадь и вернула её на полку, туда же, откуда взяла. — А архивариус — не тот человек, который скажет правду, даже если её знает.

Они вернули основную папку и вышли из архива в молчании, которое прервалось только у самой лестницы.

— Твоя формула на уроке, — вдруг сказала Рен. — Про спазм лёгких при лжи. Ты записывала её быстрее всех остальных.

— Потому что запомнила её ещё в детстве, — призналась Ада. — Гримуар открывал мне первый свиток, когда я болела корью в семь лет, — просто чтобы развлечь. Тогда я не понимала ни слова. А сейчас понимаю каждое.

Она помолчала, глядя на пролёт лестницы, уходящий вниз, к их комнате.

— Как думаешь, — спросила она тихо, — если бы кто-то однажды спросил бабушку про «инцидент с испытанием

крови» — она бы ответила спазмом в лёгких? По-настоящему?

Рен не нашлась, что сказать. Гримуар в пространственном мешке Ады тихо, почти неслышно скрипнул кожаным переплётом — тем самым звуком, который они уже научились различать среди прочих звуков ночи.

На следующее утро староста факультета собрала первокурсниц у доски объявлений — коротко, без подробностей: защитный контур библиотечного крыла ночью на несколько минут дал сбой, и один из архивных стеллажей оказался открыт, хотя ключ хранился только у архивариуса. «Ничего не пропало», — заверили студенток. Ада и Рен переглянулись, не сказав друг другу ни слова: стеллаж, о котором шла речь, стоял в двух шагах от того самого протокола с вырванной страницей.

Домашнее задание к следующему уроку

Запишите аудиопрактику произнесения Формулы №2 «Гнилое эхо». Добейтесь, чтобы шипящий звук в первой строке удерживался не менее полутора секунд без потери громкости голоса.

Задание тебе, читатель

Перед сном на этой неделе попробуй произнести вслух одну фразу с шипящим звуком, растянутым на полторы секунды. Послушай, как меняется вес слова, когда звук держится дольше обычного.

Осторожно: побочный эффект — окружающие могут решить, что вы наконец начали слушать себя, а не только спорить. Так и есть.

Глава 6. Декабрь. Урок седьмой. Свиток второй

Зима в Академии наступила резко, без предупреждения, — за одну ночь окна подземной аудитории (те немногие, что выходили на внутренний двор верхним светом) покрылись изморозью, а факелы вдоль стен начали потрескивать чуть громче обычного, будто и они мёрзли.

Пока студентки рассаживались, Рен, как обычно дежурившая по раздаче реквизита для практики, разносила латунные площадки с ритуальным песком по партам — и на дне одной из них заметила тёмный, почти чёрный налёт, не похожий на обычную сажу. Она украдкой растёрла щепотку между пальцами: мелкая, маслянистая, с едва уловимым металлическим запахом пыль, вовсе не похожая на нейтральный ритуальный песок, которым полагалось наполнять площадки по уставу Кафедры. Она молча пересыпала содержимое в чистый лоскут и спрятала в карман фартука, решив показать находку Аде вечером, а не поднимать шум прямо на уроке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.